

„ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК“

Фантастический рассказ

Командир корабля Олег Петрович Кубиков не любил стихи. Это было, пожалуй, единственное, что, по общему убеждению, отличало его от других членов экипажа. Он, собственно, не назвал бы это нелюбовью. И у него, бывало, щемило душу, когда ни с того ни с сего вспоминалась вдруг старая песня или давно позабытый детский стишок: «Однажды в студеную зимнюю пору...» Или что-то подобное. Просто он не писал стихи, как все на корабле. Слова казались ему слишком убогими в сравнении с водопадами чувств, которые временами хотелось выразить.

Но Кубиков сам дал повод думать о себе как о человеке, равнодушном к поэзии. Было это еще на Плутоне, где экипаж проходил предполетную подготовку и проверку на совместимость. Им предстояло уйти в многолетний рейс — ГЗК, как

писала вся межпланетная пресса, — Глубокий зондаж космоса. Еще тогда Кубикова поразило, что все балуются стихами. Ладно бы вчерашний студент «радио-, электро- и прочий техник», как говорили про него на корабле, Дима Снегирев — Димочка, пусть бы психолог Маша Комарова — она женщина, в ней повышенная чувствительность от рождения. А то ведь и «корабельный патриарх» историк и астроном с огромным космическим стажем Иван Сергеевич Родин и тот пописывал стишки в «стенгазету».

Более того, именно с него-то и началась сама «стенгазета». Как-то еще на Плутоне командир шел по коридору и у входа в кают-компанию, там, где в полукруглой нише стояли четыре кресла для отдыха, увидел на стене розоватым листочек фольги со стихами. Было там что-то о тоске по неизведанным долям неба, в которые убегает звездный поток, словно пенный след за кормою на морской дороге. Кубиков подивился такому беспорядку, но листок не снял. Наверное, потому, что под ним стояла подпись всеми уважаемого Ивана Сергеевича.

Лучше бы он тогда снял его. Потому что на другой же день рядом появились стихи Димочки и Маши. И у Кубикова уже язык не повернулся призвать экипаж к порядку. Потому что Маша — это была Маша, единственный член экипажа, обладавший особой властью над командиром. Властью никому, кроме него, не известной.

Так, по крайней мере, думал сам командир. Но он усомнился в этом, когда увидел в «стенгазете» стишок без подписи:

Олег, скажи на милость,
Ни слова не тая,
Неужто обленилась
Поэзия твоя?..

Он метнул глаза в конец стишка и обомлел, прочитав последние строчки:

...И нашей милой Маше
Ты песню не споешь?

Кубиков ушел, не тронув и этого листка. Но листок исчез сам собой. И Кубикову стало грустно. В тот день он ни на кого не глядел и, погруженный в себя, не замечал, что кают-компания непривычно тиха.

Именно в тот самый день, отвечая на многочисленные вопросы ПАНа — корабельного автомата-психоанализатора, перед отлетом особенно строго проверявшего экипаж, Кубиков и сказал, что он не любит стихи, но относится к ним терпимо.

Не думал он, что уже через год увлечение стишками, ослабляющими земными романсами и прочими недостойными космонавта штучками примет форму всеобщего поветрия.

С каждой секундой корабль все глубже уходил в бездны космоса. Уже и Солнце, родное солнышко превратилось в точку, не отличимую от всех прочих далеких и холодных звезд, уже ни в какой телескоп нельзя было увидеть его в форме привычного диска. Космос дышал отдаленным радиоэхом, и в нем все слабее звучала знакомая нотка солнечного излучения, единственная ниточка, связывающая космонавтов с Землей. На нее, эту вот-вот готовую порваться ниточку, крохотными

бусинками были нанизаны предназначенные им сигналы с Родины.

Корабль мчался со скоростью, превышающей скорость Солнца по галактической орбите, каждую секунду проскакивая почти триста километров. Но казалось, что он стоит на месте. Не менялся даже знакомый рисунок созвездий. Все так же неподвижно висел в черном пространстве ковш Большой Медведицы, все так же, изящно изогнувшись, стояла в иллюминаторах красавица Кассиопея. Только дотошный автоштурман, пошевеливая хоботами антенн, улавливал угловые смещения и чередой цифр, бегущих по экрану, доказывал, что вид созвездий все же меняется.

Там, на стапелях Плутона, конструкторы сделали все, чтобы оградить космонавтов от будущих опасностей. Мощные силовые поля и нубиевые сплавы тройной обшивки надежно защищали корабль. Даже крупный метеорит сгорел бы и распался в пыль, еще не достигнув обшивки. Но не было метеоритов. Была пустота, оглушенная отдаленным эхом хохочущих галактик — радиотрескотней пульсаров, вздохами взрывающихся звезд, неведомыми стонами умирающей и рождающейся материи.

Это и было главной задачей экспедиции — послушать космос из пустоты. И бесстрастные автоматы непрерывно фиксировали все, что потом могло бы заинтересовать ученых Земли. Но сами космонавты не могли долго работать с завидной бесстрастностью приборов. Они жаждали нового и уставали без открытий. И все чаще мучили себя воспоминаниями о Земле — в долгих разговорах в кают-компании, в стихах, в песнях, увезенных с Родины. И все чаще ПАН докладывал командиру об опасности, от которой не было защиты, — о переменах в психическом состоянии членов экипажа. Нужна была новая интересная информация, неведомая опасность, борьба. В крайнем случае могла выручить какая-либо аварийная ситуация. Но не было предусмотрено таких ситуаций, а учебные тревоги мало что давали. И командир все чаще вспоминал старую истину, что человек навечно прикован к обществу себе подобных, что он не способен существовать в одиночестве. И все думал, чем бы взбудоражить людей.

Перед отлетом Кубиков мечтал о том, что корабль обойдет опасности. Теперь он жаждал риска и борьбы. Но космос оставался монотонно одинаковым, точно таким, каким его наблюдают с планетных орбит.

Пустота окружала корабль, опустошала людей.

Первой не выдержала Маша. Однажды командира оторвал от дум тревожный зуммер. Привычно белый глазок на табло психоанализатора на этот раз тревожно пульсировал багровым отсветом. Это был черный стресс — неведомая болезнь, по видимому родственная земной ностальгии, но стократ усиленная безнадежностью, порожденной пустотой космоса. Черный стресс изредка поражал космонавтов в дальних рейсах. Он парализовал волю человека, целиком отдавал его во власть безысходной тоски. От этой болезни нельзя было вылечиться, только спастись бегством, погрузившись в глубокий и долгий гипнотический сон.

Командир включил разговорное устройство ПАНа и, еще до того как услышал ответ, уже понял, что беда случилась с Машей Комаровой. Вспомнил, что последние дни он слишком часто видел ее в комнате иллюзий, где с помощью хитроумных световых, звуковых и ароматических эффектов воссоздавались земные условия и можно было хоть часок посидеть «в поле», «в лесу» или «на берегу моря».

— Что ж ты, Машенька! — бодро сказал Кубиков, входя в каюту корабельного психолога. И осекся. Маша стояла у стены, обеими руками торопливо и нервно терла себе виски и страдальчески улыбалась. По ее щекам одна за другой непрерывно катились слезы.

— Извини, — сказала она прерывающимся голосом. — Я сама... должна... Это... пройдет.

— Конечно, пройдет, все пройдет. Ты только успокойся.

Но он знал: не пройдет, как не проходило ни у кого и никогда прежде. Ему не хотелось расставаться с Машей, на месяцы, может, и на годы укладывать ее в камеру сна. Только теперь, страдая за нее, он понял, что значила она для него все это время. И кто знает, что будет с ним самим без обыкновенного ее присутствия на корабле.

— Я... знаю... как вылечиться, — сказала Маша, мучительно ломая пальцы и почему-то бледнея. — Нужен... ребенок.

— Какой ребенок?

— Нужен... ребенок, — повторила она. — Нельзя... в дальнем полете... без полного общества. Нужны семьи... и дети... Человеческая воля не может... долго опираться на один только разум... Нужна... поддержка чувств... Любовь вечна потому... что без нее нет человека... Человек не может... как робот...

Она махнула рукой и, обессиленная, упала в кресло.

— Что ты, Маша, успокойся, что ты?!

Он подошел, погладил мягкий и теплый пластик тонкой курточки на ее плече. И усмехнулся иронически, представив себе корабль, превращенный в семейное общежитие, в детский сад. Вместе со всем, что неизбежно сопровождает такого рода сообщества, вынужденные долго жить в замкнутом мире, — ревностью, безотчетной завистью, слепым недоброжелательством. Каким бы строгим ни был отбор на совместимость, все равно трудно предусмотреть развитие человеческой психики на годы вперед.

Маша сидела перед ним прямая, замеревшая. Она словно бы не замечала своих слез, продолжавших катиться по щекам. И он как будто привык к ним, смотрел на короткую — «под шлем» — прическу Маши и боролся с острым желанием потрогать упругие спирали завитков на ее виске.

Тишина, тяжелая, ощутимая, висела за переборками, за оставшейся приоткрытой дверью. Только зуммер психоанализатора все плакал и плакал на Машинном индивидуальном пульте, почему-то напоминавшем туалетный столик.

— Это пройдет, поспишь немного и пройдет, — сказал Кубиков.

— Я не о себе. — Она подняла к нему заплаканные глаза. — Я психолог, знаю: всем нелегко. Знаю. Только я... слабей оказалась...

— Не о себе? — машинально переспросил он и покраснел. Она не ответила. Медленно встала, как-то странно улыbnулась ему и пошла к двери. И Кубиков понял, куда она направлялась — в камеру сна.

В последующие полгода черный стресс уложил еще несколько членов экипажа. Кубиков ждал, что болезнь отпустит хоть кого-нибудь, но педантичный ПАН все не давал положительно-го заключения. И наступил момент, когда остались бодрствовать только трое — самый молодой Димочка, самый старый Иван Сергеевич да он, командир.

Еще более пусто стало на корабле. Именно в то время и случилось то, чего все давно ждали: в тяжелом радиэфоне космоса совсем потонула зыбкая пульсация земной связи. Напрасно до предела выдвигались параболические антенны, напрасно автоматическая радиостанция, гудя от напряжения, шарилась по диапазонам, экраны осциллографов были пусты, как снега на Плутоне, а из динамиков доносилось только пугающее разноголосо-хриплое пение космоса.

Пустота словно бы еще углубилась, ощутимой тяжестью ложилась на душу. Кубиков все чаще вспоминал слова Маши о необходимости присутствия детей на корабле, и эта мысль уже не казалась ему столь парадоксальной. От тягостных, словно бегающих по кольцу мыслей он уходил в кают-компанию, устраивал там головоломные дискуссии о легендарных летающих тарелках, о гипотетических встречах с иными цивилизациями. В ход шла любая небывальщина. Но командир сам чувствовал, что все его усилия словно бы попадали в мягкое, как распущенная вата, облака Венеры.

— Ничего, — бодрился Иван Сергеевич. — Все проходит, придет и это.

И пытался развивать ни на чем не основанную, по-видимому, специально по случаю выдуманную философскую концепцию:

— Космос неравномерен. В нем все концентрируется в точки или в полосы. Недаром с одной стороны — крайняя плотность материи, с другой — крайняя пустота. Сейчас у нас полоса невезения, то есть полоса пустоты. Но пересечем же мы ее. И тогда услышим Землю, может, даже лучше, чем с Плутона...

Он успокаивал других. А себя не мог успокоить.

Однажды Кубиков, зайдя к нему в каюту, увидел на столе раскрытый блокнот со стихами. Одно было неокончено:

...Полета четкую программу
Поломал слепой метеорит.
Отказали тормозные дюзы,
Сеть антенн осколки унесли...
Облака, как белые медузы,
Ползают по глобусу Земли,
..... синеют океаны,
Светятся большие города...
Не бродить по улицам туманным
..... никогда...

— Если бы хоть метеорит! — усмехнулся Кубиков. И понял вдруг, откуда такие стихи, и ужаснулся от мысли, что это вовсе не печальные стихи, что это так старый космонавт борется с

ничем, с ужасающей пустотой. Метеорит и в самом деле выручил бы их, пробудил бы в душах уснувшую готовность сопротивляться, создал бы реального противника, с которым надо бороться.

В тот момент, стоя над поразившим его стихотворением, Кубиков впервые всерьез подумал, что, может, не говоря никому, и в самом деле устроить аварию на корабле? И разбудить всех. Для борьбы. Для спасения экспедиции.

Он еще не знал, что как раз в это самое мгновение автоматы, зондирующие дальний космос, нащупывают странную аномалию пустоты.

Равномерный гравитационный фон космоса искажало неизвестное небесное тело. Для того чтобы сблизиться с ним, пришлось снизить скорость корабля и изменить курс. Но командир пошел на это. Ибо лучше было пожертвовать временем и частью горючего, чем потерять в пустоте самих себя.

В командирской рубке они стояли втроем перед черным пульсирующим экраном и молча наблюдали, как радиолучи рисуют на нем неровное, странно бесформенное пятно.

— Чужой корабль! — взволнованно говорил Димочка, минутно вороша и без того взъерошенные короткие волосы на голове. — Летит, как и мы, обалдев от пустоты...

Кубиков не возражал. Ему нравилась давно не слышанная страсть в голосе Димочки.

— Чего же он курса не меняет? — ворчливо сказал Иван Сергеевич. И Кубиков понял, что ворчливость эта тоже от волнения, что обращена она не к Димочке, а скорее к тем возможным инопланетянам, которые никак не проявляют себя.

Щелкнул переключателем динамик над экраном, и голос Главного мозга корабля бесстрастно принялся перечислять выявленные параметры небесного тела:

— Средний диаметр — сто сорок километров...

— Ничего себе корабль. Не корабль, а целая планета! — тотчас прокомментировал Димочка.

— ...Плотность — один и семь десятых. Курс... Время обращения...

— Какое время обращения?!

Иван Сергеевич ласково пригладил Димочке волосы и сказал с явной иронией в голосе:

— Это же вечные скитальцы. Надоело лететь в никуда, вот они и решили по кругу. Один круг, два круга, хоть считать можно. Все-таки цель.

Что-то роднило этих двух людей, старого и молодого. Еще на Плутоне они спорили по каждому пустяку, бесцеремонно подтрунивая друг над другом, и еще тогда было видно, что споры для них в радость. Но в последнее время они словно бы забыли о живущем в них духе доброго противоречия, и теперь командир радовался его пробуждению.

— Если есть орбита обращения, значит, есть и ее центр? — испуганно спросил Димочка.

Кубиков переглянулся с Иваном Сергеевичем. И как раз в это время снова щелкнул динамик, и Главный мозг сообщил результат только что произведенных расчетов:

— Орбита эллиптическая. Центр — солнечная система.

— Дорогие мои! Это же планета! — воскликнул Иван Сергеевич.

— Единственная планета в такой дали?

— Значит, не единственная, значит, космос не так уж и пуст. — Он повернулся к динамику и сказал с нетерпением: — Ну-ка, друг, пошевели мозгами, если есть планета такой большой массы, то нет ли и других?

Динамик запульсировал странными звуками. Словно кто-то большой и сердитый засопел за стенкой.

— Я и без расчетов скажу, — по-молодому блеснул глазами Иван Сергеевич. — Солнечная система не кончается Плутоном. Она вообще нигде не кончается. Космос пронизан материей от звезды до звезды...

— Почему же мы ничего не встречали? — нетерпеливо перебил Димочка.

— Потому, что ее мало в отдаленных пространствах. И эти планетки, кометки, астероиды — называйте как хотите — бесконечно далеки друг от друга. Земля и Марс совсем рядом, а в своем беге по орбитам они так редко сближаются. Что же здесь?!

Кубиков, не отрываясь от экрана, на котором росло блеклое пятно неведомой планеты, слушал восторженный голос Ивана Сергеевича и чувствовал, как в нем полнится, подступает к самому горлу что-то давно позабытое, радостное. Ведь если все так, то миры вовсе не безнадежно далеки. Пусть редки в пространстве эти материальные тела, но они есть, они как ступени к другим мирам, к другим цивилизациям. Они — плацдармы для веры человека в победу над безмерностью пустоты.

— Я считаю необходимым, — сказал Кубиков, повернувшись к своим товарищам, — теперь же передать ПАНу полученную информацию. Пусть он введет ее в подкорку спящим. Это может помочь им быстрее излечиться от черного стресса...

Планетка оказалась настолько похожей на обычный замарсианский астероид, что просто не хотелось верить в ее страшную отдаленность от Солнца. Корабль выстрелил причальный линь, и тот накрепко вплавился в плотную породу. В лучах прожекторов лежала исполосованная резкими тенями серо-коричневая поверхность. Неглубокие воронки с еле заметными лучиками разбросанной породы говорили о давних столкновениях с метеоритами. Все было как всегда, как на всех небольших небесных телах, с какими когда-либо приходилось встречаться. Это даже разочаровывало, и когда они втроем, округлившись от толстой тепловой защиты скафандров, ступили на ее поверхность, то Димочка так и предложил назвать планетку — Обыкновенная.

— Нет, — поколебавшись, сказал Иван Сергеевич. — Она все же необыкновенная. Она дала нам надежду.

— Пусть будет Надежда, — легко согласился Димочка. — Даже лучше.

Оставив Ивана Сергеевича возле корабля, Кубиков и Димочка облетели ближайшую гряду возвышенностей. После привычного «земного» притяжения в корабле странно было стоять на каменной тверди и знать, что достаточно лишь подпрыгнуть,

чтобы достичь первой космической скорости и превратиться в спутник.

Издали, из черной ночи, освещенный корабль казался целым городом. Светились цепочки иллюминаторов, сверкали большие, как солнца, глаза прожекторов, и освещенные ими острые обрывы сияли так, точно сами были источниками света.

— Похоже, что единственное, чем удивит нас планетка, это самим фактом своего существования, — сказал Кубиков. — Похоже, что здешние породы ничем не отличаются от тех, что есть повсюду в солнечной системе.

Он обвел фонарем вокруг себя, словно желая удостовериться в этой обыкновенности и показать ее Димочке. И обмер, и едва не выронил фонарь: на склоне холма, явно искусственно оплавленного, был вырезан, точнее, выплавлен мощным лучом ровный треугольник.

— Вот тебе и «обыкновенная», — почему-то шепотом сказал Кубиков, обходя знак со всех сторон.

В этот раз они нашли еще несколько оплавленностей. Кое-где на них были знаки — окружности, прямоугольники, странные изображения, похожие на головастиков. Знаки были разбросаны на большой площади без какой-либо системы, и казалось, что неведомое существо, оставившее их, просто забавлялось, резало камни мощным лучом, рисовало что придется.

— Вот те на! — неизвестно чему радовался Димочка. — Искали следы могущественной цивилизации, а нашли наскальную живопись.

Кубикову не было так весело. Он подумывал о том, не стоит ли укрыться за силовыми полями корабля и не поручить ли роботам дальнейшее обследование планеты. Именно это требовала инструкция — крайней осторожности при встрече с иным разумом или со следами его...

Из командирской рубки они видели на экране, как расходились во все стороны черные роботы, похожие на пауков, как расставляли светящиеся маяки на вершинах скал. Роботы осторожно прощупывали грунт острыми наконечниками всех своих шести ног, заботясь о том, чтобы не делать резких движений, не оттолкнуться ненароком от поверхности и не взлететь. Они переползали расщелины, распластавшись на скалах, далеко в стороны выдвинув телескопические лапы. А если срывались, то мгновенно втягивали лапы, включали двигатели и зависали над камнями, сметая ракетными струями быструю пыль.

Шел час за часом. Роботы уже обследовали другую сторону планетки, но ничего нового не нашли, кроме еще нескольких разбросанных в разных местах наскальных рисунков.

Сигнал «Внимание!» прозвучал неожиданно для всех. Главный мозг корабля, непрерывно следивший за роботами и обрабатывавший информацию, тотчас показал на экране неглубокую ложину и двух «пауков», быстро бежавших к вертикальной скале, возвышавшейся над местностью. Прожекторы рисовали черно-белую мозаику теней и световых пятен. Скала топорщилась множественными острыми разломами, похожими на колючую шкуру неведомого чудовища. И вдруг лучи выхватили из

тмы оплавленные края камней и чуть выше — большую гладкую стену, сверху донизу испещренную непонятными знаками. Космонавты молча смотрели на заполнившую весь экран странную таблицу и не знали, что и подумать. Было очевидно — это письма. Но зачем они здесь, на затерянной планетке? Почему разумные существа несомненно могучей цивилизации прибегли к такому примитивному способу передачи информации?..

Кубиков почувствовал вдруг, что дверь за его спиной тихо отворилась и в рубку вошел еще кто-то.

— Как вам не стыдно! — послышался хриловатый после долгого сна голос Маши. — Это не по-товарищески. Такое открытие, а я сплю.

Все трое посмотрели на нее, словно не узнавая.

— Свершилось! — громко сказал Иван Сергеевич. — Теперь мы знаем: они есть, братья по разуму.

— Или были, — задумчиво добавил Димочка. — Может, надписи миллиард лет.

— А что тут написано? — спросила Маша.

Снова все трое посмотрели на нее и улынулись, снисходительно прощая ей такую наивность. И эта снисходительность, это простое человеческое чувство помогло сделать им еще одно открытие.

— Ты... проснулась?..

— А что говорит ПАН?

— ПАН, видно, сломался. Все просыпаются.

— Не сломался, — сказал Кубиков. — Это я велел ему сообщить вам, спящим, новую информацию.

Он встал, бесшумно прошелся по мягкому пластику пола и, остановившись посередине рубки, махнул рукой.

— Была не была! Пусть думает, на то он и мозг. Ты слышишь меня?

— Я слушаю, — зазвенел в динамике спокойный голос.

— Попробуй все же. Может, удастся разгадать эту... клинопись. Отключись от всего. Думай. — И повернулся к Димочке: — Передай на Землю. Все передай.

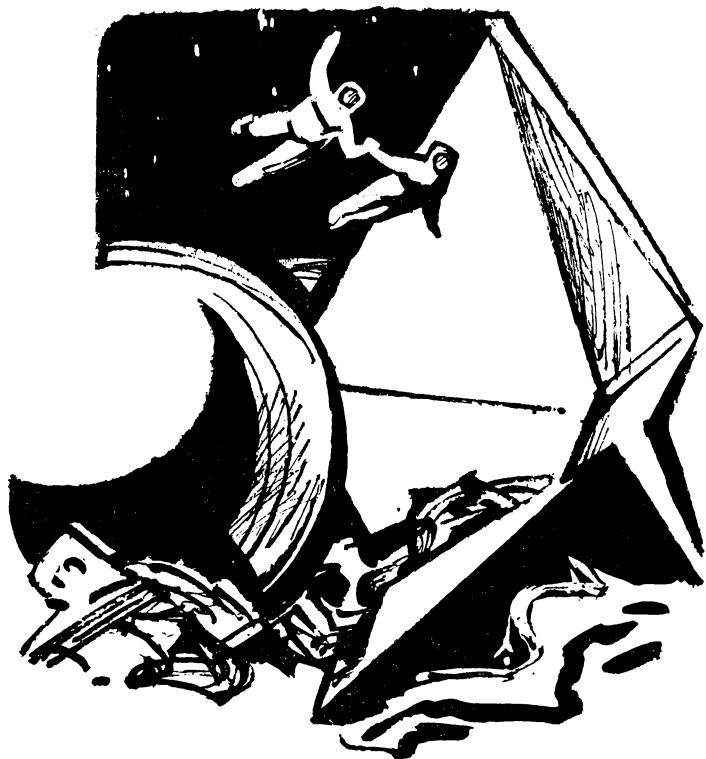
Димочка удивленно посмотрел на командира.

— Так нет же связи.

— Все равно передай. На всякий случай...

Еще некоторое время они сидели у экрана, наблюдая, как ходят по камням колченогие роботы. Потом, не сговариваясь, поднялись и разошлись по своим каютам. Новость была слишком велика. К ней следовало привыкнуть после нескольких лет парализующей пустоты.

Но и сидеть в уединении никто уже не мог. Гипотезы одна другой фантастичнее роились в голове у каждого. Кубикову было и радостно и тяжело. Как после сдачи последнего экзамена в институте, когда им, группе будущих космонавтов, сказали, что не все трудности позади, что предстоит еще один экзамен — на умение пользоваться своими знаниями. В тот раз они — уже не студенты, но еще и не специалисты — собрались было отдохнуть в своем узком кругу, как они говорили, «отпустить вожжи». Но вместо этого пришлось снова готовиться к экзаменам, запереться в одиночной комнате само-

Рисунки Н. ГРИШИНА

образования и думать, думать, и отвечать на бесчисленные вопросы электронных экзаменаторов.

Кубиков прошел в «прихожую», как на корабле называли герметический блок выхода в открытый космос, и увидел там Машу, уже одетую в скафандр.

— Я не буду отвязываться, — виновато сказала Маша. По инструкции никто не мог покидать корабль без разрешения командира.

Кубиков ничего не ответил. Он знал, что Маша его подождет, что они вместе пойдут по пыльному бездорожью планеты, пойдут далеко, чтобы намолчаться под черным пологом бездны, в полной мере насладиться одиночеством. Великолепным одиночеством вдвоем.

Держась за руки, они перелетали через глубокие черные провалы, подпрыгивая, словно танцуя, шли по мягкой пыли низин. Позади и чуть в стороне следовал за ними верный страж космонавтов — светящийся в темноте серебристый робот.

Они не собирались уходить далеко. Но скоро поняли, что не смогут вернуться, не посмотрев таинственной надписи на скале, не потрогав оплавленных камней.

Двигаясь от маяка к маяку, они наконец взлетели на острый гребень скалы, с которой, казалось, можно было обозреть всю планету, горбившуюся серыми неровными боками, чуть заметно вырисовывавшимися при свете звезд, и увидели впереди ярко освещенное пятно. Включив индивидуальные ракетные двигатели, Кубиков и Маша устремились к этому пятну, проскочили по инерции и, сделав резкий поворот через головы, опустились у подножия освещенной скалы. Закрепленные по бокам прожекторы рельефно высвечивали каждый знак. Знаки были четкими, словно неведомый резчик только вчера закончил свою работу. Но похожая на шрам глубокая борозда с краю, вырвавшая часть таблицы, свидетельствовала о древности надписи. Ведь метеориты в этой части вселенной так редки.

Они стояли перед скалой, как перед огромной раскрытой книгой, и думали о глубочайшей мудрости, возможно, заложенной в этой таблице.

— Командир! — послышался в наушниках голос Ивана Сергеевича. — Кажется, получается.

— Что?

— Расшифровка. Только странное что-то получается.

— Читай.

— Читать? — почему-то переспросил Иван Сергеевич. — Прямо как я понял?

— Давай как понял.

— Ну слушай.

Он откашлялся, словно перед ним была большая аудитория, многозначительно помолчал и начал декламировать с выражением, с паузами:

— Белые чудовища ловили нас
длинными руками протуберанцев.
Черные карлики завораживали
невидящим глазом смерти.
Но мы, обманув пространства,
на зыбкой границе огня и льда
нашли «Голубой цветок»...

— Все? — спросил Кубиков, выждав паузу.

— Продолжения пока нет.

— Опять стихи? — Ему подумалось, что старый космонавт не по возрасту и неуместно дурачится.

— Это я так перевел. Для ясности. Но за точность ручаюсь.

— Сейчас я буду...

Пользуясь своими ракетными двигателями, они с Машей взлетели над планеткой и, описав параболу, опустились неподалеку от корабля. И увидели Димочку с каким-то аппаратом в руках. Димочка оглянулся на них и почему-то торопливо, словно нашкодивший мальчишка, нырнул в ярко освещенный люк «прихожей».

Когда Кубиков с Машей вошли в командирскую рубку, там перед экраном уже сидели Иван Сергеевич, Димочка и еще

один член экипажа, видимо только что освобожденный ПАНом биолог Нина Панкина. Никто не обернулся к ним. И Кубиков, взглянув на экран, тоже оцепенел: по экрану, пульсируя и толкаясь, ползли буквы, сбивались в слова. Главный корабельный мозг уже заканчивал расшифровку, и на экране, тихо гудящем в мертвой тишине, мелькали последние фразы о теплых волнах, о какой-то насмешке и вечно враждующих силах.

— Неужели больше ничего? — удивился Кубиков.

— Расшифровка окончена, — тотчас откликнулся звенящий голос.

Все посмотрели на командира, словно он знал больше других. Только Иван Сергеевич не поднимал головы, сидел и то-ропливо писал что-то.

— Вот! — радостно сказал он, вставая во весь свой большой рост. — Имею честь предложить первый перевод первого образца межгалактической поэзии.

Он откинул голову, сверху вниз посмотрел в поблескивающий розовой фольгой раскрытый блокнот и стал читать уже знакомые Кубикову строки о длинных руках протуберанцев, загораживавших путь к чудному «Голубому цветку». Затем Иван Сергеевич сделал паузу, внимательно посмотрел на командира, словно персонально приглашая его в слушатели, и продолжал:

— ...На «Голубом цветке» —
этом чуде вселенной —
живое не прячется в недра
от мертвых объятий космоса,
не убегает
от всепожирающего огня звезд.
Качают теплые волны
живое на пенных гривах
и пеленают радуги
всеми цветами галактик,
словно в насмешку
над вечно враждующими
слепыми и злыми силами...

Прочитав это, он торжественно оглядел всех. И вдруг глаза его заметались в растерянности от какой-то мысли, которая, по-видимому, только что пришла ему в голову.

— Товарищи, дорогие мои, я-то, старый, думал, что «Голубой цветок» — это некая чудо-планета в далеком космосе, вечная легенда, которую не обошел ни один фантаст. А ведь это... это, наверное, наша... наша Земля? Чудо вселенной!

— Точно! — вскинулся Димочка. — И живем мы на поверхности планеты, и волны у нас, и радуги...

— Послушать вас... Что же получается?.. — сказала Нина.

Она не договорила, но все поняли, что будет, если развивать эту мысль. Если Земля единственная и неповторимая, то чего искать в космосе? Мысль, вроде бы радующая самолюбие, обернется для землян ослаблением интереса к далеким мирам. Эта идея несла в себе зародыш самопогибели, способность парализовать дерзания, те самые, на которых и вознесся к звездам род человеческий.

— От добра добра не ищут? — то ли спросил, то ли утвердительно заявил Димочка.

— Ищут, — решительно сказал Кубиков. — Не поиски лучшего движут людьми, а поиски разного. Даже если мы убедимся, что нет планеты, равной Земле, все равно надо исследовать космос. Хотя бы для того, чтобы знать, какие опасности могут угрожать нашей... нашему... «Голубому цветку»...

Командир не говорил ничего нового, но его слушали со вниманием. Бывают моменты, когда напоминание общеизвестного важной новизны, когда оно наводит порядок во взбаламученных чувствах, все расставляя по местам.

— ...Нет, мы не помчимся обратно на крыльях нового сомнения. Мы продолжим экспедицию, даже если пустота будет убивать нас. Это задание Земли, единственной и неповторимой планеты. И я приказываю, — он оглядел своих товарищей, никогда за весь полет не слышавших этого резкого слова, — приказываю в течение ближайших десяти часов закончить исследования на Надежде. Жду докладов. Через десять часов мы стартуем на маршрут.

Никто не возразил, не улыбнулся. Люди молча разошлись по своим местам, и Кубиков остался один в командирской рубке. Перед ним на большом экране суетились роботы, собирая с поверхности планеты расставленные маяки, несли к кораблю приборы, контейнеры с образцами пород.

Кубиков принимал доклады о готовности, отдавал распоряжения, а сам все это время думал о странной надписи на камне. Что побудило неведомых разумных существ к такому поступку? Добро бы какая информация, конкретное сообщение, указание дороги к братьям по разуму. Он говорил себе, что в найденных стихах тоже немало интересного, но не успокаивался: не эмоций ждал он от космических посылок, а цифр, фактов, формул.

Однако было что-то такое, что заставляло снова и снова повторять про себя стихи о «Голубом цветке». Что-то волновало Кубикова, возвращало мысли к тем и радостным и грустным дням, когда они последний раз обнимали на Земле родных и близких, когда стартовали с Плутона...

Через десять часов последний оставшийся на Надежде робот извлек из грунта наконецник причального линия и на нем был втянут внутрь корабля. И поползли в лучах прожекторов острые выступы скал. Видны были многочисленные точки — следы роботов, и овальные вмятины — следы башмаков. Блеснул в пыли какой-то мелкий предмет, видимо, оброненный роботами. И вдруг на весь экран выплыла люминесцентно горящая надпись: «Олег+Маша=». Две черты знака равенства были едва заметны, видно, у того, кто писал, кончилась краска.

Кубиков встал, взволнованный и сердитый, шагнул к экрану. И вспомнил непонятную настроенность Димочки, когда он торопливо нырнул в «прихожую» с каким-то аппаратом в руках. Теперь Кубиков знал, что это был за аппарат, — пистолет для разбрызгивания краски.

— Твоя работа? — спросил он, вызвав Димочку на экран внутренней связи.

Димочка ничуть не растерялся, воодушевленно принялся го-

ворить о том, что это единственное, что он мог придумать за короткое время пребывания на Надежде, что надпись на века, что и через миллион лет планета будет нести на своих камнях это свидетельство любви...

— Какой любви?! — сердито оборвал его Кубиков.

— Все знают, какой...

Он отключился от Димочки, ничего не выговорив ему. Сел и уставился на удаляющуюся, тонущую в черноте космоса надпись. И вдруг неожиданно для самого себя улыбнулся. А что, собственно, случилось? Космос не обидится. А космонавты, которые когда-нибудь попадут сюда?.. Свои, может, поймут. А инопланетяне? Вот поломают головы над решением этого уравнения?! Хотя кто их знает. Может, они все будут понимать, те инопланетяне. Может, они будут знать, что высшая мудрость космоса — жизнь, а высшая мудрость жизни — чувства...

Кубиков с нежностью подумал о Маше, вспомнил ее слова о детях, необходимых в дальних космических экспедициях. Нет, не о детях вообще она тогда говорила. Сказала: «Нужен ребенок». Один. Ее ребенок. И его?

Теплая волна нежности охватила Кубикова. Остро захотелось на Землю. В тихий домик у синей речки где-нибудь в верховьях Волги. Чтобы проснуться на рассвете, поцеловать спящую Машу, сварить кофе. А потом выйти на крыльцо и слушать шорох раннего грибного дождя в листьях осины...

Он закрыл глаза и долго сидел неподвижно, наслаждаясь захлестнувшей его новой печалью. Когда очнулся, первое, что увидел, — светящееся табло психоанализатора. Обычно темное, оно теперь слабо пульсировало, словно где-то в его глубине пробегали первые зарницы приближающейся грозы.

— Но, no! — сказал Кубиков и погрозил ПАНу пальцем. — Со мной этого не выйдет.

Он встал, прошелся по рубке, постоял в задумчивости. И решительно направился к двери. Он уже знал, как бороться с черным стрессом. Пусть роботы делают свое дело, пусть докладывают. Все равно он будет каждый день, по примеру древних капитанов, обходить весь корабль. Осматривать блоки, швы, самих роботов. Каждый день.
